

КОРНЕЙ ЧУКОВ

Мастерство
НЕКРАСОВА

*Издание третье,
исправленное*

Советский писатель

МОСКВА

1959

ОТ АВТОРА

Историками литературы — особенно в последнее время — проделана большая работа по изучению жизни и деятельности Н. А. Некрасова. Но его поэтический стиль остается до сих пор неисследованным. Изучение этого стиля — насущная, очередная задача, над разрешением которой предстоит еще немало потрудиться советским литературоведам и критикам.

Задача эта может быть разрешена лишь в итоге коллективных усилий, лишь после того, как в литературе накопится достаточное количество научных работ о лексике, ритмике, композиции стихотворений Некрасова. Пока этого нет, нечего и думать о том, чтобы дать полную характеристику его сложного и многообразного стиля. Единственное, к чему мы можем покуда стремиться, это подготовить почву для подобной работы, собрать для нее хотя бы часть материалов и поставить некоторые вехи для дальнейших исследований.

Во второе и третье издание внесено значительное число исправлений. Существенную помощь оказали автору критические отзывы о книге, напечатанные в ряде газет и журналов, а также дружеские советы Н. К. Гудзия, Л. А. Евстигнеевой, С. А. Рейсера, И. Г. Ямпольского, за которые автор приносит им живейшую признательность.

Третье издание книги снабжено двумя указателями.

Часть первая

УЧИТЕЛЯ
И
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

І. ПУШКИН И НЕКРАСОВ

1

Я помню то грустное время, когда литературные разговоры читателей велись по такой незатейливой схеме:

— Любите ли вы Пушкина?

— Нет, я люблю Некрасова.

И этот нелепый ответ казался совершенно исчерпывающим, равно как и противоположный ответ в другом диалоге такого же рода:

— Любите ли вы Некрасова?

— Нет, я люблю Пушкина.

Любить одновременно и того и другого считалось тогда невозможным. Считалось, будто те, кому дорог один, должны враждебно относиться к другому.

Большинство современников не только не видели бесчисленных нитей, связывавших Некрасова с Пушкиным, но, напротив, были склонны считать, будто эти поэты полярно противоположны друг другу.

Это дикое мнение держалось десятки лет.

Эстеты из дворянского лагеря упорно твердили, что отрицательная оценка поэзии Некрасова сама собой, с неизбежной последовательностью вытекает из их преклонения перед творчеством Пушкина.

А критики из антидворянского лагеря постоянно объясняли свое пренебрежение к Пушкину именно тем, что в его поэзии совершенно отсутствуют качества, за которые они любят Некрасова.

Между тем, Некрасов, как и всякий литературный новатор, был крепко связан с традициями своих вели-

ких предшественников и раньше всего с традициями Пушкина.

Этой преемственной связи не замечали читатели, принадлежавшие к современным ему поколениям.

Здесь не было ничего удивительного: в каждом «пролагателе новых путей» современникам бросаются в глаза лишь те черты его творческой личности, которые идут наперекор старым, привычным, установленным нормам.

Противопоставляли, в сущности, выдуманного, небывалого Пушкина выдуманному, небывалому Некрасову.

При этом реакционные критики постоянно внушали читателям, будто сам-то Некрасов в качестве автора обличительных, «гражданских» стихов относился к Пушкину с крайним презрением и порою даже издевался над ним.

Так, Василий Авсеенко, холопствовавший перед эстетами великосветских салонов, голословно утверждал еще при жизни Некрасова, будто некрасовский журнал «Современник» «завершил свое поприще самым необузданным глумлением над Пушкиным»¹.

Подголосок бюрократических верхов Петербурга «Journal de St.-Petersbourg» тотчас после смерти Некрасова выступил с такою же ложью:

«Под влиянием г. Некрасова Пушкин прослыл целовеком бездарным (?), ничтожным поэтом (1)»².

А Юрий Арнольд, заскорузлый филистер, знававший Некрасова в юности, лжесвидетельствовал в книге своих мемуаров, будто Некрасов не только считал себя соперником Пушкина, но тайно был уверен в своем превосходстве: «Воображал себе, что он на самом деле уже не только преемник Пушкина, но *даже выше его*»³.

¹ «Русский вестник», 1875, № 7, стр. 348. Эти лживые утверждения тогда же опроверг критик А. М. Скабичевский: «Я бы желал, чтобы г. А<всеенко> показал мне хоть одну строку «Современника», в которой было бы хоть малейшее глумление над Пушкиным, а я мог бы показать г. А<всеенко> в этом самом «Современнике» целый ряд строк отношения (sic!) к Пушкину самого сочувственного и даже исполненного энтузиазма к великому поэту нашей родины» («Биржевые ведомости», 15 августа 1875 г., № 223).

² «Journal de St.-Petersbourg», 1878, № 6. Цитирую по статье Т. Толычевой (Е. В. Новосильцовой) «Поэзия Некрасова». «Русский вестник», 1878, № 5, стр. 347.

³ «Воспоминания Юрия Арнольда», вып. II. М., 1892, стр. 186.

Таких лжесвидетельств множество, и все они опровергаются фактами, так как Некрасов буквально до последнего дня своей жизни был почитателем Пушкина, любил его благодарной любовью, видел в нем воплощение «богатырского народного духа» и всячески оберегал имя великого поэта от попыток опорочить его.

Когда Ксенофонт Полевой, некогда передовой журналист, а впоследствии жалкий болгаринский прихвостень, в 1855 г. попытался в газетной статейке о Пушкине излить давнишнюю неприязнь к нему, Некрасов в анонимных «Заметках о журналах» дал пасквильянту суровый отпор и при этом выразил благоговейное свое преклонение перед личностью и творчеством Пушкина.

«Его глубокая любовь к искусству, — писал он, — серьезная и страстная преданность своему призванию, добросовестное, неутомимое и, так сказать, стыдливое трудолюбие, о котором узнали только спустя много лет после его смерти, его жадное, постоянно им управлявшее стремление к просвещению своей родины, его простодушное преклонение перед всем великим, истинным и славным и возвышенная снисходительность к слабым и падшим, наконец весь его мужественный, честный, добрый и ясный характер, в котором живость не исключала серьезности и глубины, — все это вечными, неизгладимыми чертами вписал сам Пушкин в бессмертную книгу своих творений, и пока находится она в руках читателей, ни г. К<сенофонт> П<олевой>, ни подобные ему не подкопаются под светлую личность поэта...» (IX, 364) ¹.

Характерно, что Некрасов выдвинул на первое место именно такие особенности его душевного склада (стремление к просвещению своей родины, трудолюбие, серьезность), которые приближали нравственный облик поэта к молодому поколению шестидесятых годов.

В той же статье, через несколько строк, он обращался к этому поколению с призывом учиться у Пушкина:

«Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, — и поучайтесь из них... поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант,

¹ Здесь и на дальнейших страницах римская цифра означает том, арабская — страницу двенадцатитомного Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова (1948—1952).

идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!» (IX, 364).

В следующей журнальной статье Некрасов снова возвращается к Пушкину, и характерно, что из всех пушкинских текстов, впервые опубликованных в 1855 г., он воспроизводит здесь одно-единственное стихотворение «Няне», — «эту; — как он выразился, — музыку любви и сиротливой грусти, исходящую из благородного, мужественного, глубоко страдающего сердца». «Один такой отрывок, — пишет он, — ...может наполнить на целый день душу... избытком сладких и поэтических ощущений:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь».

(IX, 371)

Стихотворение выделено Некрасовым совсем не случайно: оно своим демократическим духом близко его собственной тематике. В этом воспевании крепостной деревенской старухи, ее забот, предчувствий и печалей Некрасов услышал свое. Здесь, в стихотворении «Няне», явственно обнаружились такие черты, которые связывают поэзию Некрасова с пушкинской.

Кроме того, этим стихотворением он, очевидно, хотел снова напомнить читателям о нравственном величии поэта, о его «благородном, мужественном, глубоко страдающем сердце».

Указывая на житейские бедствия, угнетавшие Пушкина и вызывавшие в Арине Родионовне столько тоскли-

вых предчувствий, говоря о его «сиротливой грусти», о его «страдающем сердце», Некрасов разрушал, таким образом, те шаблонные представления о великом поэте как о баловне счастья, певце наслаждений, проповеднике беззаботного упоения жизнью, которые, как мы ниже увидим, культивировались тогда многими критиками.

Любить Пушкина, ценить его «серьезность, благородство и мужество» Некрасов научился еще смолоду. Как событие своей умственной жизни вспоминает он в автобиографических записях тот знаменательный день, когда он, провинциальный подросток, впервые познакомился с пушкинской одой «Вольность», исполненной ненависти к «увенчанным злодеям», «тиранам», «бичам и железам» (XII, 21).

Неизвестно, какими путями дошла до молодого Некрасова, в ярославскую глушь, запрещенная пушкинская ода, но мы живо представляем себе, как потрясли его эти стихи, — может быть, первые «вольнодумческие», декабристские строки, какие ему довелось прочесть.

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Ода так взволновала Некрасова, что одно время, уже пожилым человеком, он хотел было стихами прославить ее. Это видно из нескольких строк, которые лет тридцать назад мне посчастливилось найти в его рукописях:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, название ей: Свобода.
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

(II, 523)

Очевидно, мысль о неизбежных цензурных преградах помешала Некрасову довести эти стихи до конца и подчеркнуть, таким образом, преемственную связь между декабристской поэзией Пушкина и своей, некрасовской, революционно-демократической, «гражданской» поэзией.

Эту связь он отметил в другом — тоже позднем — стихотворении «Элегия», где его стихи явно перекликаются с пушкинской знаменитой «Деревней».

Читая такие, например, строки «Элегии»:

...Увы! пока народы
Влачатся в нищете, *покорствуя бичам*,
Как *тощие* стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет
муза...—
(II, 392)

невозможно не вспомнить следующего отрывка «Деревни»:

Склоняясь на чуждый плуг, *покорствуя бичам*,
Здесь рабство *тощее* влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Этим нарочитым воспроизведением лексики, ритмики, стиля и горького пафоса стихотворения Пушкина Некрасов несомненно хотел подчеркнуть свою творческую близость к его «либералистской», антикрепостнической лирике.

Когда Некрасов познакомился с одою «Вольность», ему едва ли было больше пятнадцати лет. Очевидно, в те годы — или несколько позже — он впервые пережил увлечение поэзией Пушкина. В одной из автобиографических заметок он указывает, что сестра Елизавета еще в детстве познакомила его с «Евгением Онегиным» (XII, 24). И так как память у него была очень сильная, он тогда же запомнил великое множество пушкинских стихотворений — тысячи и тысячи строк, и, если можно так выразиться, на всю жизнь насытил свое мышление Пушкиным¹.

Когда, например, в «Свистке» 1860 г. он пишет о драчливой помещице, которую поколотила служанка:

На натиск пламенный ей был отпор суровый,
(II, 444)

¹ «Хорошая память, — сообщал он, — всю жизнь составляла одно из главных моих качеств» (XII, 15).

переводя тем самым в сатирический план знаменитую строку из пушкинского послания «К вельможе»:

Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,

или когда, обращаясь к читателю, он словами пушкинского «Посвящения» к «Полтаве» говорит о «Свистке», уже полузадушенном цензурным террором:

«Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе
Ты был моей мечтой любимой,
(II, 492)

когда при помощи пушкинских строк он напоминает читателю, что этот некогда безбоязненный отдел «Современника» теперь, в эпоху рассвирепевшей реакции, уже усмирен и запуган крутыми полицейскими мерами:

Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит! —
(II, 492)

здесь и во множестве подобных же случаев чувствуется опять-таки насыщенность его поэтического мышления текстами Пушкина. В этом последнем отрывке — копия пушкинских строк:

Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.

(«Кто знает край, где небо блещет»)

Когда в 1869 г. Некрасов пишет сестре из Диеппа: «Скука — дело неминуемое. Вся тварь разумная скучает...» (XI, 152) — он даже не оговаривает, что последняя фраза является цитатой из пушкинской «Сцены из «Фауста»:

Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел...

Выражать свои мысли при помощи пушкинских текстов было его всегдашней привычкой. «Евгений Онегин», «Клеветникам России», «Мордвинову», «Посвящение» к «Полтаве», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Памятник» — не было, кажется, таких пушкинских текстов, которых он не мог бы в любое мгновение извлечь из своей любящей памяти.

Уже на смертном одре, среди отчаянных приступов боли, он твердил про себя свое любимое пушкинское:

Когда для смертного умолкнет шумный день...

(XII, 27)

Словом, с юности до могилы, все сорок лет своей писательской жизни Некрасов видел в Пушкине «вечного спутника»; и не было такого периода, когда хоть немного остыло бы его беспредельное благоговение перед личностью и творчеством Пушкина.

Очень удивилась шестидесятиница Е. Литвинова, когда, обратившись к Некрасову со своими первыми литературными опытами, услышала от него совет возможно больше работать над формой стиха; Некрасов рекомендовал ей учиться у Пушкина и при этом с восторгом напомнил пушкинский стих из «Полтавы»:

Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится¹.

12

В пятидесятых и шестидесятых годах людям демократического образа мыслей любить поэзию Пушкина было гораздо труднее, чем нынче. Много мешало им в полной мере почувствовать ее освободительный пафос, ибо имя Пушкина в течение очень долгого времени опутывали злые легенды, опровергнуть которые удалось лишь теперь — усилиями литературоведов советской эпохи.

¹ Е. Л<итвинова>, «Воспоминания о Некрасове». «Научное обозрение», 1903, № 4, стр. 132.

Этому фальсифицированному, мнимому Пушкину было насильственно придано несколько очень неприглядных особенностей.

Раньше всего читателям пытались внушить, будто Пушкин является одним из приверженцев николаевской кнутовой монархии, низкопоклонным льстецом, царедворцем, изменившим декабристским убеждениям юности ради «благодетелей» и «щедрот» Николая.

Едва только Пушкин скончался, его друзья — Жуковский, Плетнев и князь Вяземский — выполнили молчаливый заказ тогдашних официальных кругов: исказить в интересах царизма биографию поэта, приспособив ее к потребностям придворной верхушки.

Даже такой, казалось бы, достоверный документ, как подробное описание кончины поэта, данное Жуковским в его письме к отцу Александра Сергеевича, и тот извращал события в угоду царю¹.

Так началось то восьмидесятилетнее мифотворчество, которому был положен конец лишь теперь.

Этому мифотворчеству способствовало также и то, что многие произведения Пушкина оставались тогда неизвестны читателям. Иные же, в том числе «История села Горюхина», изображавшая горькие судьбы крестьянства, как бы в предвосхищении Некрасовско-щедринской трактовки этой сатирической темы, были напечатаны в искаженном виде, с большими купюрами. Горюхино, например, долгое время именовалось Горохиным. Между тем по своему названию оно является, так сказать, предком деревень и селений, изображенных Некрасовым: Горелово, Неелово, Неурожайка тож, не говоря уже о селе Голодухине. Читатели не знали ни пушкинского «Ариона», не вошедшего в посмертное издание сочинений поэта, ни его послания в Сибирь. А некоторые стихотворения были переименованы так виртуозно, что приобрели прямо противоположный смысл.

Самым показательным примером таких искажений является, как известно, стихотворение «Я памятник себе

¹ См. П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., 1928, стр. 161—196; И. Боричевский, «Заметки Жуковского о гибели Пушкина». «Пушкин», временник пушкинской комиссии, № 3, стр. 371—392.

воздвиг нерукотворный». Там, где в подлинном «Памятнике» у подлинного Пушкина сказано:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу, —

там в поддельном «Памятнике» печаталось:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен.

Гражданское мужество поэта в борьбе с тиранией Жуковский подменил категорией чистой эстетики («прелесть живая стихов»), и эта бессмысленная, сочиненная уже после смерти поэта строфа так широко пропагандировалась в качестве подлинного выражения идеологии Пушкина, что ее выгравировали даже на постаменте памятника, воздвигнутого поэту в Москве. Эта строфа просуществовала до нашего времени, когда ее заменили, наконец, теми стихами, которые действительно были написаны Пушкиным.

В «Медном всаднике» из «горделивого истукана» фальсификаторы сделали «дивного русского великана», изменив, таким образом, самую сущность поэмы. В «Сказке о попе и о работнике его Балде» скаредного и злого попа сделали «купцом Остолопом» и т. д.

Те, кто распоряжались наследием Пушкина, а вслед за ними и реакционные критики считали своей главной задачей дезориентацию читателя. От читателя пытались скрыть истинный политический смысл не только выше-названных, но и многих других произведений поэта. Как мы знаем, реакционной критикой совершенно превратно истолковывались «История Пугачева», «Борис Годунов» и др.

Дело почти не изменилось и в 1855 г., когда, тотчас же после смерти Николая I, вышло под редакцией П. В. Анненкова долгожданное шеститомное, сильно расширенное издание Пушкина с подробной биографией поэта, составленной тем же Анненковым. То был первый опыт